

ТУЛЬСКИЕ КРЕСТЬЯНЕ В РЕВОЛЮЦИОННОМ ПРОЦЕССЕ 1917 ГОДА¹

© 2017 Е.В. Симонова

*докт. ист. наук, профессор кафедры истории и археологии
e-mail: E-Simonova@yandex.ru*

Тульский государственный педагогический университет им. Л.Н. Толстого

Позиция основной массы населения – крестьян оказывала влияние на революционный процесс 1917 г., проявление и развитие которого в провинции вызывает особый интерес исследователей. Статья посвящена изучению специфики деятельности тульских социалистов среди крестьянства и их реакции на политику властей и агитацию, а также рассмотрению динамики погромного движения и процесса политизации населения в уездах Тульской губернии.

Ключевые слова: Тульская губерния, Великая российская революция 1917 года, крестьянство, эсеры, большевики, меньшевики, борьба за власть.

Революционный процесс 1917 г. во многом зависел от отношения к происходящему крестьянства, позиция которого определялась условиями жизни и труда. Изучение поведения крестьян в региональном аспекте позволяет глубже понять социальные процессы 1917 г., дважды приведшие к смене власти. Интерес к Тульской губернии определяется прежде всего ее своеобразием: в начале XX в. ее отнесли к Центрально-Земледельческому району как типично аграрную, однако северные уезды с неплодородной землей по своим чертам хозяйствования крестьян вполне могли быть отнесены к Промышленному. Таким образом, Тульская губерния сочетала в себе черты обоих районов и являлась типичной для Европейской части России.

В большинстве уездов Тульской губернии помещичье землевладение составляло около половины всех земель. Численность сельского населения по переписи 1917 г. составила 1 661 225 человек (мужчин 822 496 и женщин 838 729) [51, с. 95]. Более 20% обрабатываемых земель крестьяне арендовали у помещиков. В Епифанском и Ефремовском уездах этот показатель доходил до 30% [51, с. 90, 95, 99]. Крестьяне малоземельных волостей занимались кустарным или отхожим промыслом, в таких волостях переделы земли были частым явлением. По Столыпинской аграрной реформе тульские крестьяне переселялись в Сибирь в поисках лучших мест, однако масштабы переселенчества были значительно меньше, чем в соседних губерниях [61]. В Тульской губернии преобладала трехпольная система севооборота. Крестьяне обрабатывали землю примитивными сельскохозяйственными орудиями. Первая мировая война повлияла на ухудшение состояния крестьянских хозяйств (к концу 1916 г. 72 490 хозяйств не имели рабочего скота, по губернии насчитывалось около 40 тыс. так называемых «отсутствующих» хозяйств, т. е. хозяйств без посевов). Около 23% мужчин были призваны в армию [48, с. 7], что негативно сказалось на состоянии крестьянских хозяйств и привело к дальнейшему социальному расслоению на селе. В то же время на фоне разорения значительной части сельского населения в южных уездах губернии (особенно в черноземных Новосильском и Ефремовском) шел процесс укрупнения некоторых крестьянских хозяйств.

---

¹ Статья подготовлена при поддержке гранта РФФИ 16-11-71001 (а (р))

Исследователи Т.В. Осипова, В.П. Булдаков, В.П. Данилов, С. Тутолмин, С.В. Яров показали природу политизации крестьянства весной-осенью 1917 г. [50; 52; 54; 55; 58; 63]. В целом они сходились во мнении, что, как отмечал О. Файджес, сознание крестьянства ограничилось, как правило, «деревней, полями, церковью, соседними поместьями и общинами» [59, с. 230–231]. Крестьяне имели небольшое представление о происходивших вне их деревень событиях. В 1917 г. были созданы крестьянские представительные органы: Всероссийский крестьянский союз и Всероссийский съезд крестьянских депутатов (или Совет). Но, по сути, эти органы представляли часть крестьянства, так как уже в силу этих обстоятельств были оторваны от повседневной деревенской жизни. Эту черту отметил О. Файджес: «то, что произносилось крестьянскими депутатами с трибун, нельзя считать выражением взглядов всего крестьянства» [59, с. 230–231].

Известие о смене власти в марте 1917 г. было встречено в губернии спокойно, на первых собраниях в протоколах фиксировалась поддержка Временного правительства. Во всех уездах Тульской губернии были созданы уездные общественные исполнительные комитеты [28, с. 1]. В основном их членами были избраны купцы, приказчики, учителя, землевладельцы, врачи, солдаты, рабочие. Так, в Алексинский уездный исполнительный комитет (УИК), созданный 5 марта, вошло 46 человек (1 человек от городской управы, 2 делегата от земства, 1 мещанин, 2 горожанина, 2 рабочих Мышегского завода, 2 солдата инженерной дружины, 1 делегат от Южно-Алексинского объединения кооперативов, 10 человек от всех кооперативов уезда, 19 – от всех волостных комитетов (по одному от каждого). Белевский УИК насчитывал 26 человек (4 представителя земства, 2 горожанина, 2 представителя объединения кооперативов, 1 торговец, 3 мещанина, 3 железнодорожника, 2 офицера, 2 солдата местного гарнизона, 2 солдата от команды выздоравливающих, 2 учителя, 1 священник, 1 представитель еврейской общины, 1 – от Белевского общества потребителей) [28, с. 1]. Активное участие в процессе образования новых органов власти на селе принимали учителя, авторитет которых среди крестьян был высок. В одном из постановлений исполкома Алексинского уезда говорилось, что учителей в волостные комитеты можно выбирать без количественных ограничений. А в Белев «для специальных совещаний» были вызваны из уезда все учителя [19, с. 2]. В Крапивенском уезде уездными комиссарами были избраны представители системы народного просвещения: сначала Ф.К. Морозов («учитель местного начального училища»), а затем в ноябре 1917 г. – А.Г. Ефимов (инспектор народных училищ) [15, л. 173]. Н.Н. Смирнов отмечал, что мировоззрение сельского учительства в значительной степени формировалось под воздействием партии эсеров, которых считали идейными продолжателями народников [57, с. 225]. Благодаря учителям крестьянство познакомилось с эсеровской аграрной программой раньше, чем с программами других партий. Эсеровские ячейки (хотя и крайне малочисленные) на селе были созданы раньше, чем большевистские, что расширяло агитационные возможности эсеров. Например, большевик Д.С. Соломенцев вспоминал, что летом 1917 г. вся власть в Веневском уезде находилась в руках эсеров и кадетов: «Председателем уездной земской управы был эсер Серов, его заместителем – эсер Кулешов, городским головой – кадет Бузовкин, председателем городской думы – кадет Дьяков. К ним примыкала часть местной интеллигенции, возглавляемая врачом-хирургом местной больницы эсером Введенским. Вокруг этого «руководства» объединилась вся местная буржуазия города и уезда. Они и их единомышленники выступали на митингах и собраниях в городе, на сельских сходах в деревнях. В их распоряжении находилась городская типография. А социал-демократической большевистской организации ни в городе, ни в уезде, ни в волостях еще не было» [62, с. 126].

Агитация и пропаганда играли существенную роль в аграрном движении, начавшемся весной и продолжавшемся практически до конца года. Крестьяне

откликались на лозунги и тезисы, выдвигаемые заезжими партийцами. Можно привести примеры успешной агитации как эсеров, так и большевиков. Инструктор Московского областного бюро Советов Шевцов, докладывая о своей поездке по Веневскому уезду Тульской губернии 12 апреля 1917 г., так описывал политические настроения крестьян: «Среди крестьян работать и весело и продуктивно, не требуется какой-либо определенный план для их организации. Крестьяне не довольны во многих случаях своими волостными комитетами, которые по преимуществу состоят из зажиточных крестьян – «кулаков», сельских комитетов и в помине нет. Уездные комитеты собраны таким образом, что крестьяне не в большинстве. Следствием этого является то, что крестьяне живут как на вулкане и ждут только сигналов для погромов. На митинге в селе Косяевка, собравшем около 1000 человек, из выступлений следовало, что единственными своими товарищами они считают Советы рабочих и солдатских депутатов. Хорошо бы было, если бы Совет рабочих депутатов перешел от обороны к нападению, а то защищаться и обидно и невыгодно» [12, л. 27]. Главные требования на крестьянских митингах: созыв Учредительного собрания, скорейшее заключение мира без аннексий и контрибуций, установление демократической республики и равноправие женщин. Об этом свидетельствуют резолюции митинга в селе Никитское Епифанского уезда [22, с. 3], митинга в селе Старые Лески Тульского уезда, собрания Ямско-Слободской волости Каширского уезда (около 1500 человек), в селе Теплое Нарышкинской волости Тульского уезда (600 человек потребовали еще и «установления 8 часового рабочего дня», что явно свидетельствовало о приезде агитатора из города) [21, с. 3], Машковской волости (около 300 чел.) и других [23, с. 3].

Началом самоорганизации крестьянства можно считать I крестьянский съезд Тульской губернии, состоявшийся 5–6 апреля 1917 г. в Туле, который избрал постоянно действующий орган в составе сначала 10, а потом 36 представителей уездов и принял резолюции, свидетельствующие о влиянии эсеров: «Частная собственность противоречит интересам трудового крестьянства, поэтому съезд высказывается за социализацию земли. Пользование землей должно быть уравнительно трудовым. Недра остаются за государством. Земля обращается в общенародное достояние без выкупа. За бывшими землевладельцами признается право на общественную поддержку на время, необходимое для приспособления к новым условиям личного существования. Ходатайствовать о приостановлении продажи и залога земли до Учредительного собрания» [29, с. 28]. Военный совет крестьянских депутатов Тульского гарнизона, готовя указы делегатам Всероссийского крестьянского съезда, и Тульский Совет рабочих и солдатских депутатов приняли по аграрному вопросу резолюции в соответствии с эсеровской программой и предложили невспаханные земли передать в распоряжение волостных комитетов «без оплаты владельцу арендной стоимости» [20, с. 3], а имеющийся инвентарь земских и кооперативных пунктов и не занятые на полевых работах машины и лошадей разрешил использовать волостным комитетам. Также меньшевистско-эсеровский Тульский Совет рабочих и солдатских депутатов отметил, что захват помещичьих земель до созыва Учредительного собрания недопустим [3, л. 24–25].

Понимая, что земельный вопрос занимает центральное место во внутренней политике, правительство 21 апреля 1917 г. издало постановление об учреждении земельных комитетов при Министерстве земледелия. В Туле губернский земельный комитет, в ведении которого были вопросы сбора информации по губернии для последующей разработки аграрного проекта в Учредительном собрании, был создан только 3 июня 1917 г.. Во главе комитета находились эсеры. Однако нерешительность правительства и местных органов власти вынудила крестьян самостоятельно приняться за решение своих проблем. Уж в марте–июне 1917 г. в Тульской губернии

зафиксировано 480 случаев выступлений за снижение арендных цен, 330 случаев выпаса и потрав на помещичьих землях, 94 захвата лугов и паровой помещичьей земли, 20 случаев разгрома усадеб и захвата имений, 78 порубок леса и 34 случая захвата земель под яровые посевы. Количество крестьянских выступлений в Тульской губернии увеличилось с 24 в марте до 77 в апреле [60, с. 69]. Нарастающее крестьянское движение вынудило общественные представительные органы, не дожидаясь указаний из центра, решать этот вопрос самостоятельно. Так, Алексинский уездный крестьянский съезд постановил отменить частную собственность на землю и провозгласил землю общенародным достоянием. В то же время именно Учредительное собрание, по мнению делегатов, должно было определить способ пользования землей, а до этого «надлежало запретить куплю-продажу земли» [14, л. 47].

На I Всероссийском съезде крестьянских депутатов (17 мая – 10 июня 1917 г.), в работе которого участвовали и делегаты Тульской губернии, было решено все земли передать в ведение земельных комитетов, которым надлежало заняться регулированием арендных отношений, определением порядка обработки земли и использования сельскохозяйственных машин и орудий. 16 июня II Тульский съезд крестьянских депутатов, объединившийся накануне с исполнительным комитетом губернского Совета военно-крестьянских организаций, вынес решение о немедленном переходе помещичьих земель в ведение земельных комитетов. 18 июня Тульский Совет крестьянских депутатов принял решение о передаче всех земель во временное ведение земельных комитетов, обязал их определить количество, обрабатываемой крестьянами и частновладельцами, остальные же земли передать в арендный фонд [18, с. 3]. Это решение было встречено негативно губернскими властями, уполномоченный Главного земельного комитета сменил состав президиума губернского земельного комитета и обеспечил тем самым поддержку линии Временного правительства [47, с. 35]. Тульский губернский исполнительный комитет не сдавался и на 23 июня 1917 г. заявил, что Совет крестьянских депутатов имеет полное право принимать какие угодно постановления по земельному вопросу и проводить их в жизнь «путем влияния на все правительственные органы». В свою очередь, Временное правительство еще раз заявило, что подобные решения может принять только Учредительное собрание. В уездах же губернии поддерживали линию Крестьянского совета. Так, общее собрание Веневского исполкома отметило, что «назревшие вопросы сельскохозяйственной практики, особенно укоса трав и озимых посевов, требуют немедленного разрешения» [13, л. 71]. Эти события вызвали кризис тульской власти: губернский комиссар и председатель губернского исполнительного комитета меньшевик С.Р. Дзюбин ушел в отставку [13, л. 22–24].

Конфликт между правительством и Тульскими Советами по поводу временного решения земельного вопроса разворачивался на фоне новой волны погромов и самозахватов земли. Ю.П. Бокарев, анализируя динамику крестьянских выступлений в годы, предшествующие Февралю, отмечал, что крестьяне претендовали лишь на необрабатываемые или арендуемые у помещиков земли [49, с. 88]. После же Февраля крестьяне пошли дальше. Так, в Кромовской волости Веневского уезда решили раздать безземельным и малоземельным крестьянам помещичью землю, объясняя это тем, что «у помещиков ежегодно остаются немолоченными скирды хлеба и поля обсеиваются и убираются без всякого порядка» [4, л. 25] (при этом крестьяне оставили помещикам на посев до 10 десятин).

Летом 1917 г. погромы помещичьих усадеб стали массовыми. Губернский комиссар неоднократно получал прошения землевладельцев о защите от действий крестьян [6, л. 12–14; 13, л. 61; 2, л. 14]. Власти пытались принять меры для прекращения крестьянских волнений. В Туле была создана следственная комиссия по аграрным делам,

но она не справлялась с увеличивающимся потоком дел [5, л. 45]. В такой обстановке 5 августа 1917 г. состоялся III губернский съезд крестьянских депутатов, на который съехалось 332 делегата. Съезд раскритиковал политику Временного правительства, призвал освободить всех арестованных в ходе аграрных волнений [Там же]. Также было признано необходимым принять ряд мер для улучшения продовольственного положения: в рамках хлебной монополии произвести реквизицию хлеба у владельцев по твердым ценам, запретить спекуляцию, частную торговлю и вывоз хлеба из губернии [Там же]. 4 сентября состоялся IV губернский крестьянский съезд, на котором была одобрена деятельность общественных органов по решению земельного вопроса: «еще и в будущем предстоит борьба за землю и волю, а для этого надо сплотиться вокруг своих полномочных органов, могучей армии демократии» [60, с. 48]. Собравшиеся снова высказались за передачу помещичьих земель в ведение земельных комитетов. Такое же решение принял и съезд крестьянских депутатов Ефремовского уезда (28 сентября) (немедленно отобрать и передать помещичью землю в ведение земельных комитетов и распределить ее между наиболее нуждающимся до Учредительного собрания) [16, л. 16], для исполнения решения разослал своих представителей по деревням [8, л. 49]. В то же время, как отмечали уездные комиссары, на почве недостатка продовольствия и проведения закона о хлебной монополии «наблюдалось враждебное отношение к продовольственным комитетам», что было связано с критикой в их адрес как со стороны «имущих хлеб», так и со стороны «не имеющих такового», а сами продкомитеты были «бессильны в борьбе с тайной продажей хлеба» (одоевский уездный комиссар, 3 октября 1917 г.) [16, л. 13–13об].

Осенью 1917 г. газета «Тульская молва» постоянно сообщала о крестьянских волнениях [39, с. 2], о самовольной рубке леса крестьянами [41, с. 2], о захвате земель и посевов [Там же]. Епифанский уездный комиссар докладывал губернскому комиссару, что в самовольных порубках леса участвуют крестьяне целых селений [11, л. 19]. В октябре погромное движение помещичьих имений вышло на новый виток в Ефремовском, Богородицком, Веневском, Одоевском, Епифанском, Алексинском и Крапивенском уездах [24, с. 3; 42, с. 2; 43, с. 3]. Для восстановления порядка был направлен отряд казаков [8, л. 66; 9, л. 425–426], в Тулу из Тамбова 14 октября прибыла сотая драгун, хотя требовался, по мнению местных властей, целый эскадрон [6, л. 59, 85].

В октябре Тульский Совет снова вынес резолюцию о передаче помещичьей земли в ведение земельных комитетов, такое же решение приняла и сессия тульского губернского земельного комитета 13 октября, «так как из-за беспорядков разрушается народное достояние, которое в целости должно перейти по постановлению Учредительного собрания к народу и увеличить его зажиток. И нет времени крестьянству думать об Учредительном собрании, где решится его судьба, его детей, внуков и правнуков» [10, л. 34].

Размах погромного движения свидетельствовал о неспособности местных властей сохранить порядок в деревне. Епифанский комиссар писал, что «в населении начинают пробуждаться темные, животные инстинкты, подтверждением чего могут служить имевшие место в уезде два случая самосуда, выразившихся в гнусном издевательстве над ворами, которых водили по улицам в сопровождении пляшущей толпы под гармонию», в борьбе с самовольными порубками леса «все увещания и обращения к совести и разуму оказались безрезультатными» [16, л. 21]. Погромное движение все чаще сопровождалось насилием и убийствами: так, ефремовский уездный комиссар сообщал о «четырёх случаях самосуда над лицами, уличенными в кражах ... в двух случаях два крестьянина были убиты и погребены без соблюдения христианского обряда» (18 сентября 1917) [Там же, л. 3]; «три крестьянина входившие в состав разбойничьей шайки, громившей жителей

волости» были подвергнуты самосуду, один из них скончался, двое доставлены в больницу с тяжелыми побоями (4 ноября 1917 г.) [17, л. 107]; «10 ноября в селе Епанчине Долголеской волости трое убиты по подозрению в краже» (11 ноября 1917 г.) [Там же, л. 120об]; «18 декабря за кражу в имении Голицына был убит один, а второй крестьянин получил тяжкие побои»; «убиты два односельчанина Кузьма и Николай Ядькины по подозрению в краже и поджогах» (18 декабря 1917 г.) [Там же, л. 150об]. В Алексинском уезде были случаи самосуда над двумя конокрадами, «найден в лесу Шамариных труп мужчины с признаками насильственной смерти» [Там же, л. 110]. Прокурор Тульского окружного суда просил тульского губернского комиссара отправить военную силу для подавления беспорядков в первую очередь в Ефремовский, Богородицкий и Крапивенский уезды, так как там аграрные беспорядки «сопровождаются иногда человеческими жертвами» [Там же, л. 413]. Чернский уездный комиссар требовал 25 октября кавалерию для подавления крестьянских волнений, так как «разгром угрожает почте, лавкам, кооперативу, имениям» [9, л. 439], «идет разгром конного завода Соколовой на станции Горбачево» [45, с. 3]. Комиссар Крапивенского уезда писал в Тулу, что уездные земские выборы 22 октября были сорваны, так как прибывшие с фронта солдаты «возбуждали избирателей, основываясь на том, что некоторые лица не были занесены в списки избирателей. С 15 октября начались сразу во многих местах погромы и поджоги землевладельческих усадеб», «идет сплошная рубка леса в имении “Плеханове” Ломинцевской волости, разговоры бесполезны» [45, с. 3]. Погромное движение охватило половину территории уезда: 13 волостей из 22-х были охвачены погромами. Были случаи, когда усадьбы сжигались дотла, и при этом расхищалось все имущество помещика: скот, инвентарь, домашнее имущество вплоть до дверных замков (зафиксировано в уезде 13 таких случаев). Всего в Крапивенском уезде было разгромлено 33 усадьбы [16, л. 28об], в ефремовском – 46 имений [Там же, л. 33], к 15 ноября в уезде было уже разгромлено еще 6 имений [13, л. 164]. В Новосильском уезде крестьяне рубили леса и расхищали имущество (из телеграммы в ГУБИК из Новосиля: «леса уничтожаются, принять меры бессильны, необходима военная сила») [17, л. 101].

Однако к концу октября «волна погромного движения стала понемногу утихать», как писала газета, «крестьяне довольны прибытием военной силы, некоторые крестьяне говорили, что грабить их заставляли разные лица, являвшиеся в деревню и убеждавшие их в том, что господ иначе ничем не выживешь как грабежом и уничтожением их имений до основания» [44, с. 2–3]. Комиссар Одоевского уезда писал Тульскому губернскому комиссару, что в развитии погромного движения большую роль играло недовольство хлебной монополией, но со второй половины месяца наблюдается затишье: «Местной организацией социал-демократов ведется подготовка к выборам в Учредительное собрание. 1 ноября состоялось заседание председателей волостных земских управ, представителей земельных комитетов и других организаций уезда, на котором были осуждены способы борьбы, применяемые большевиками в целях захвата власти» [46, с. 3; 7, л. 35]. В селах Ступино и Зыбкино Покровской волости беспорядки ликвидированы [46, с. 3]. «Успокоение крестьян» наблюдалось не везде. Погромы прекращались лишь военными силами [Там же]. Так, сообщалось, что из Тулы войска в Крапивенский уезд были распланы по волостям и милиция, члены ИК и уездный комиссар успевали прибывать только на пепелище. Тем не менее демонстрация воинской силы повлияла на население, и погромы прекратились, но, как отмечали уездные комиссары «настроения умов еще очень тревожное, которое усиливается слухами о борьбе Временного правительства с большевиками» [7, л. 28–29]. В Ефремовский уезд были направлены 50 казаков.

Уездные комиссары, анализируя массовое погромное движение, отмечали его причины: «примеры погромов других местностей России» и распространение газет

[16, л. 29]; «подстрекательство солдат, матросов, возвратившихся с войны»; усталость деревни от ожидания разумной власти и порядка («условия работы в городах и селениях неудовлетворительны, что объясняется темнотой населения, с одной стороны, и отсутствием интеллигентных работников в деревне – с другой» [Там же, л. 4], медленное судопроизводство, приводящее к тому, что «у населения начинает развиваться уверенность в безнаказанности» (сентябрь) [Там же, л. 4об, 31]), «волостные комитеты не сумели создать себе авторитетного положения, благодаря тому обстоятельству, что в большинстве случаев выборы носили случайный характер и выборные лица далеко не соответствовали своему назначению» (епископский комиссар, 11 октября 1917) [Там же, л. 20об]; недовольство крестьян деятельностью всевозможных комитетов, которые выносили массу постановлений, большую часть которых не могли воплотить в жизнь; «прогрессирующее выкуривание сельским населением самогона», которое «затуманивает и без того неразвитое сознание крестьянства и наталкивает его на самочинные действия, драки и ссоры между собой» (сентябрь) [Там же, л. 3об]); отрицательное отношение крестьян к хлебной монополии [Там же, л. 35], «сознание народа, что “леса божьи”» [17, л. 56об]. Недоверие крестьян к существующей власти и распространение среди них разговоров: «А будет ли Учредительное собрание и сможет ли оно что-нибудь сделать?» – привело к тому, что «при такой обстановке вылилась наружу вражда и злоба» [7, л. 28–29].

Размах погромного движения усилил кризис политики эсеров, поддерживавших Временное правительство и стремящихся удержать недовольную земельной и продовольственной политикой массу крестьян в рамках «решения земельного вопроса Учредительным собранием». В сложившихся условиях большевики усилили агитационную деятельность, находившую живой отклик в этой части крестьянского населения. В начале октября тульский губернский комиссар писал, что «за последнее время в губернии замечается распространение пропаганды большевиков, к которым население относится сочувственно» [8, л. 49; 17, л. 49]. Большевистская газета «Пролетарская правда» регулярно размещала решения крестьянских сходов с требованиями «передачи всей власти Советам рабочих, крестьян и солдат» [31, с. 3; 34, с. 3; 35, с. 4], о немедленной передаче земли земельным комитетам» с последующим решением Учредительным собранием, «против соглашательской политики социалистов с капиталистами», «о требовании созыва Всероссийского съезда, на котором должен решиться вопрос об однородной власти», «о скорейшем созыве Учредительного собрания», об осуждении Демократического совещания из-за того, «что оно признало коалицию с буржуазией» [31, с. 3–4]. В свою очередь, в эсеровской газете «Земля и воля» публиковались отчеты о крестьянских собраниях, поддерживающих политику эсеров [25, с. 3–4; 27, с. 3]. Анализ многочисленных требований и резолюций говорит о том, что крестьяне в основной своей массе слабо разбирались в сути политических противоречий в центре, особенностях курсов политических партий. Выбор крестьянами партии, за которую следует голосовать на выборах Учредительного собрания, зависел от приезда агитатора [1, л. 4; 32, с. 3; 33, с. 2–3; 34, с. 3].

К осени 1917 г. уездное население все более политизировалось. Все чаще на собраниях и митингах принимались резолюции политического характера, такие, например, как «осуждение Корниловского мятежа», «требование немедленного расследования о большевиках и освободить идейных большевиков из-под стражи», «требование созыва совещания демократии», «поддержки Временного правительства» (сентябрь), «пожелание о переходе власти к демократии» (октябрь) [8, л. 35–36, 41–42, 49]. 26 октября II съезд Советов принял декрет о земле, который, по мнению тульских эсеров, представлял собой «перепечатку крестьянского наказа, составленного на основании 242 местных крестьянских наказов» [26, с. 3]. В соответствии с ним земля

переходила в ведение волостных земельных комитетов и Советов крестьянских депутатов до решения Учредительного собрания [30, с. 1]. Крестьянские требования лета – осени 1917 г. были удовлетворены.

Таким образом, на политизацию крестьян в 1917 г. оказало влияние несколько факторов. Погромное движение, развивающееся летом и, особенно, осенью 1917 г. никак не было связано с деятельностью тульских социалистических организаций и развивалось самостоятельно, вызванное собственным пониманием крестьянами своих проблем и путей их решения. По мнению некоторых исследователей, аграрное движение в 1917 г. развивалось преимущественно вне партийного влияния [53, с. 120]. Крестьяне слабо разбирались в программах социалистов, поэтому роль эсеровских и большевистских агитаторов определяется, прежде всего, стимулом к прорывающемуся недовольству общинников сложившимся порядком землепользования.

Внутренняя политика Временного правительства (откладывание решения земельной реформы до Учредительного собрания) привела к снижению авторитета эсеров в губернии. И если в начале года эсеры имели преимущества перед большевиками, то к осени степень влияния эсеров и большевиков на уездное крестьянство стала примерно равной, что подтверждается выборами в Учредительное собрание. Подсчет голосов по уездам, за исключением Ефремовского и одной волости Одоевского уезда, показал, что политическое влияние эсеров и большевиков было примерно одинаковым – соответственно 47,5% и 44,1% [36, с. 4].

Кризис власти привел к закономерному итогу – ее смене. Уместно вспомнить мнение Д. Дж. Рейли: «Распад структур политической власти в последние месяцы все настоятельнее требовал возвращения к нормальному состоянию и элементарному административному порядку: только тогда система могла заработать вновь. Поэтому, когда дни революционного затишья отошли в прошлое, крайне радикальные пути решения вопроса о политической власти выдвинулись в России на первый план. Никакой иной вариант попросту не удался бы» [56, с. 183].

-
1. ГУ ГАТО. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 9.
  2. ГУ ГАТО. Ф. Р-95. Оп. 1. Д. 1.
  3. ГУ ГАТО. Ф.Р-97. Оп. 1. Д. 26.
  4. ГУ ГАТО. Ф. Р-97. Оп. 1. Д. 40.
  5. ГУ ГАТО. Ф. Р-189. Оп. 1. Д. 3.
  6. ГУ ГАТО. Ф. Р-246. Оп. 1. Д. 17.
  7. ГУ ГАТО. Ф. Р-246. Оп. 1. Д. 74.
  8. ГУ ГАТО. Ф. Р-246. Оп. 1. Д. 82.
  9. ГУ ГАТО. Ф.Р-246. Оп. 1. Д. 83.
  10. ГУ ГАТО. Ф. Р-246. Оп. 1. Д. 107.
  11. ГУ ГАТО. Ф.Р-246. Оп. 1. Д. 917.
  12. ГУ ГАТО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 654.
  13. ГУ ГАТО. Ф. Р-1527. Оп. 1. Д. 656.
  14. ГУ ГАТО. Ф.Р-2068. Оп. 1. Д. 1.
  15. ГУ ГАТО Ф. 2260. Оп. 1. Д. 73.
  16. ГУ ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 74.
  17. ГУ ГАТО. Ф. 2260. Оп. 1. Д. 82.
  18. Вестник Временного правительства. [Петроград]. 1917. 8 июля.
  19. Голос народа.[Тула]. 1917. 24 марта.
  20. Голос народа[Тула]. 1917. 5 мая.
  21. Голос народа[Тула]. 1917. 7 мая.
  22. Голос народа[Тула]. 1917. 25 мая.
  23. Голос народа. [Тула]. 1917. 28 мая.
  24. Голос народа. [Тула]. 1917. 10 окт.

25. Земля и воля. [Тула]. 1917. 1 нояб.
26. Земля и воля. [Тула]. 1917. 2 нояб.
27. Земля и воля. [Тула]. 1917. 3 нояб.
28. Известия Тульского губернского исполкома. [Тула]. 1917. 17 марта.
29. Известия Тульского губернского исполкома. [Тула]. 1917. 22 апр.
30. Известия ЦИК и Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов. [Петроград]. 1917. 26 окт.
31. Пролетарская правда. [Тула]. 1917. 10 окт.
32. Пролетарская правда. [Тула]. 1917. 12 окт.
33. Пролетарская правда. [Тула]. 1917. 15 окт.
34. Пролетарская правда. [Тула]. 1917. 19 окт.
35. Пролетарская правда. [Тула]. 1917. 24 окт.
36. Пролетарская правда. [Тула]. 1917. 5 дек.
37. Социал-демократ [Москва]. 1917. 3 апр.
38. Тульская молва. [Тула]. 1917. 29 окт.
39. Тульская молва. [Тула]. 1917. 10 сент.
40. Тульская молва. [Тула]. 1917. 13 сент.
41. Тульская молва. [Тула]. 1917. 18 сент.
42. Тульская молва. [Тула]. 1917. 12 окт.
43. Тульская молва. [Тула]. 1917. 22 окт.
44. Тульская молва. [Тула]. 1917. 27 окт.
45. Тульская молва. [Тула]. 1917. 28 окт.
46. Тульская молва. [Тула]. 1917. 29 окт.
47. *Богданов А.М.* Борьба тульских большевиков за ленинскую аграрную программу. Тула: Кн. изд-во, 1957. 128 с.
48. *Богданов П.Г.* Борьба за установление Советской власти в Туле и Тульской губернии // Октябрь в Туле: Сборник документов и материалов о борьбе за власть Советов в Туле и губернии в 1917 году. Тула: Кн. изд., 1957. 399 с.
49. *Бокарев Ю.П.* «Умом Россию не понять»: поведение крестьян в революционную смуту // Революция и человек: социально-психологический аспект. М.: Изд. центр ИРИ, 1996. 223 с.
50. *Булдаков В.П.* Красная смута. Природа и последствия революционного насилия. М.: РОССПЭН, 2010. 969 с.
51. Всероссийская сельскохозяйственная перепись 1917 года. Тула, 1925.
52. *Данилов В.П.* Крестьянская революция в России. 1902-1922 гг. // Крестьяне и власть: материалы конф. М.; Тамбов, 1996. [Сайт] URL: <http://www.ladim.org/st007.php> (дата обращения: 17.10.2017).
53. *Люкшин Д.И.* 1917 год в деревне: общинная революция? // Революция и человек: социально-психологический аспект. М.: Изд. центр ИРИ, 1996. 223 с.
54. *Марченя П.П.* Программа большевизма и крестьянский вопрос в 1917 году: аграрная программа или знамя народного бунта? // Прошлое и настоящее России: политика, экономика, культура. Саратов, 1999. 300 с.
55. *Осипова Т.В.* Российское крестьянство в революции и гражданской войне. М.: ООО Изд-во «Стрелец», 2001. 400 с.
56. *Рейли Д. Дж.* Политические судьбы Российской губернии: 1917 в Саратове. Саратов: Изд-во «Слово», 1995. 405 с.
57. *Смирнов Н.Н.* Российское учительство накануне новой революции // Анатомия революции. 1917 год: массы, партии, власть. СПб.: Изд-во «ГЛАГОЛЬ», 1994. 444 с.
58. *Тутолмин С.Н.* Русские крестьяне и власть в канун 1917 года // Имперское возрождение: Журнал политической аналитики. М., 2008. № 5 (19). С. 37–52.
59. *Файджес О.* Крестьянские массы и их участие в политических процессах 1917–1918 гг. // Анатомия революции. 1917 год: массы, партии, власть. СПб.: Изд-во «ГЛАГОЛЬ», 1994. 444 с.
60. X годовщина Октября (1917–1927) : сб. ст. и воспом. Тула: Издание Тульского Истпрта, 1927. 76 с.
61. *Хромых А.В.* Крестьянская переселенческая политика в России на рубеже XIX-XX вв.: по материалам Тульской губернии. [Сайт] URL: <http://www.dissercat.com/content/krestyanskaya-pereselencheskaya-politika-v-rossii-na-rubezhe-xix-xx-vv-po-materialam-tulskoi#ixzz4xdUu38yA> (дата обращения: 10.10.2017).
62. Это было в 1917...: сб. воспом. участников октябрьских событий в Туле. Тула : Кн. изд-во, 1957. 256 с.
63. *Яров С.В.* Крестьянин как политик: Крестьянство Северо-Запада России в 1918–1919 гг.: Политическое мышление и массовый протест. СПб., 1999. 168 с.